Наш собеседник — народный артист СССР Е. А. Лебедев

Мы давно и хорошо знаем этого человека. Не раз и не два про себя, в семейном кругу, публично называли его выдающимся, неповторимым. Мы давно любим этого человека. А ведь он никогда не был «звездой», никогда не был особенно популярен. На сцене и киноэкране он был перед нами эксцентричен, комичен, вероломен, коварен, жесток, зол, смешон, жалок. Он нес бешеный заряд чуждой нам энергии, будя в нас силы противоборства, неприятия, сопротивления. Но опускался занавес, гас экран, и мы, подводя справедливым итог увиденного и вместе с актером пережитого, говорили: «Как надо любить добро, чтобы вот так показать зло...».

Таким, как в этой комнате, где много лет, с самого переезда, стоит в углу самодельный верстак, а стены увешаны, полки и крышка бывшего детского секретера уставлены собственноручными поделками, его мало кто видит. Здесь он по облику и по сути — мастеровой человек, с зорким глазом и осторожными, чуткими руками. Таких немало было в его родном Балакове. Они лудили, паяли, подшивали, руки делали привычное дело, а мастер, делу не в помеху, рассказывал, балагурил или пел свою песню, тихую и протяжную.

Нет, Евгений Алексеевич не учился у них, не наблюдал за ними пристально, а унаследовал это по крови и землячеству, потому, что рожден был волгарем. Его руки воссоздают нечто хрупко-зеленое. «Она была такая красивая и сломалась», — а разговор он ведет о деле, которому отдана жизнь, и о самой жизни.

— Теперь уж можно сказать: давно снялся я на студии «Молдова фильм» в картине «Последний месяц осени». Много у меня было за жизнь ролей, которые обрушивались на меня, как вода, дождя, которые требовали всего, что знаю, умею, могу, да еще и нового требовали, чего не умею, но должен суметь. А сейчас думаю, что старик в «Последнем месяце осени» — моя самая главная роль, самая дорогая. Фильм о простых вещах, о простейших, которые складываются в большое, в жизнь. О дорогих отношениях человека с человеком.

Вот только что минула осень. Ветер гнал опавшие листья вдоль дорог и аллей, кажется, все развеяло по белу свету. Ан нет, не все. Остались они ковром у корней, на пожелтой траве, уйдут под снег, чтобы потом вскормить будущую жизнь. И чем сильнее, здоровее лес, тем больше удержит он в себе, около себя жизненных соков, чтобы длилась жизнь, чтобы мерой ей была вечность. Так и мой старик. Когда-то он, человек, дал толчок новым жизням.

Сегодня, в последний месяц осени, он отправляется посмотреть, проверить, что же оставляет он после себя, что остается людям. Ведь они давно выросли, его сыновья, и сегодня вернуть их жизнь вспять невозможно, исправить что-то невозможно. Можно только увидеть, прочитать, длиться ли их жизнь, как продолжение его жизни, не отвернулись ли они от того святого, ради чего в муке родительской и надежде появились на свет. И вот если увидел, что в жизни твоей и твоих сыновей есть некий единый внутренний стержень, значит, не все свое унесешь с собой, значит, срок твой жизни — вечность.

Я родился и провел детские годы на Волге. А дальше жизнь сложилась городская, на асфальте. Но, видно, так самой природой слажен человек, что, если дано ему было у истоков сознания босыми пятками почувствовать сырую стын земли, ее полуденный зной или росную негу молодого поля, он и через годы своего духовного единения с природой не утратит.

В человеческой жизни тоже есть времена года. Также наступает последний месяц осени, и

ко магия мастерства. Каждый строил свою жизнь и свой труд, повинувшись своей незапятнанной совести, кристальной совести. Это вовсе не значит, что они не заблуждались никогда. Гоголь ли не заблуждался, Толстой ли не плутал, не обмирал ли Достоевский пред темными силами человеческого духа! Но совесть всегда была выше борения страстей, упрямая, наивная, ясная вера в силу ее делала их жизнь, их искусство.

Совесть, стремление к показ-

в национальной традиции, в национальном характере.

Лучшие произведения искусства, лучшие творцы искусства принадлежат человечеству, это так. Но лучшими во все времена признавались лишь те, кто с наибольшей полнотой выразил суть своего народа. Твой внутренний голос должен находить живой отклик. Эхо — бесплодно. Это не мной проверено. Великий Гоголь обмелел сердцем на чужбине, великий Бунин замолчал...

Мы сегодня мало об этом заботимся. Мы еще не ощутили в полной мере, куда ведет нас цеховая замкнутость. Дни и вечера отданы театру или кино, вильону, отпуска — санаторию ВТО. Мы не ездим на работу в трамвае. Мы боимся устать от толпы, десятилетиями не бываем в деревне. Искусство, которое по назначению своему призвано отражать жизнь, вторгаться в жизнь, становится для нас собственным жизнью. И оно же, искусство, нам за это отомстит.

Меня волнует и огорчает и то обстоятельство, что из жизненного расписания драматического артиста ушел тренаж. Говорим: у нас «школа переживания». Но инструмент, которым актер «переживает», должен быть всегда в форме, всегда настроен. И исчезают на сцене точность жеста, взгляда, мимики. Отточенная до аристократизма пластика становится явлением единичным.

Мне так кажется, может быть, я и ошибаюсь, что идет это не от нежелания, не от лени, не от злого умысла, а от заблуждения. Актеры сейчас много заняты — радио, кино, телевидение. И везде они нарастают. Но эта несистематическая, если так можно выразиться, работа не обогащает. Она эксплуатирует уже накопленное, уже готовое в актере. А в театре, где как раз идет процесс накопления мастерства, труппы большие, актеры в репетиционном процессе находятся далеко не постоянно. Ну вот такой пример: после Холстомера в течение трех сезонов я не сделал ни одной новой роли... И в этих условиях тренаж голоса, памяти необходим, он единственная надежная система самоконтроля. Тогда нить мастерства непрерывна и прочна.

Актер — профессия очень непростая. Это постоянство особого душевного состояния, особого гражданского состояния. Вне своего народа, вне своего строя, вне жизни, бурлящей вокруг, он не актер.

Вот я сегодня часто говорю о стержневом направлении развития искусства, об опоре поиска на опыт, о фундаменте традиции. А возьмите нашу жизнь — в ней каждый день новое. Каждая проблема — хозяйственная, идеологическая — решается впервые в истории человечества. И ошибки были, и перегибы были, и возвращаться, переделывать приходилось. Много ли прока роптать на это? Дело делать надобно каждому на своем месте. Много и в нашем актерском труде злободневного, сиюминутного. И все нужно — и апофеоз, и сатира. Только должно помнить, что любым словом ты говоришь человеку о том, что он Человек.

Была когда-то, не так уж и давно, хорошая песня, сейчас слегка забытая: «Была бы только Родина богатой да счастливою...» Вот на том и стоять будем. То нам и зачтется...

Беседу вела
З. ГОРЧАКОВА.

КАЖДОМУ ДАНО ТВОРИТЬ

ты говоришь себе: «Пора!» Время пожинать плоды или собирать камни... Человек родился для чего-то, сделать свое дело, оставить свой след. Мы все вступаем в жизнь испровергателями. Первое наше деяние — сломанные игрушки. Для чего? Чтобы познать и сделать по своему. Но если этот процесс познания и становления самостоятельности оторван от опыта, здравого смысла семьи, общества в целом — в итоге ноль. В каждом человеке, я уверен, заложена способность к полету, героике, к творчеству, возможность выйти в мир большой и широкий. Вон Бронка Пупков, герой «Странных людей» Шукшина, мой герой в фильме — ведь вечный герой искусства, от сказок, от былин. Но каждый ли к своему полету выходит? И зависит это не только и не столько от потенции личности, сколько от выбора русла.

— И так, по вашему мнению, происходит во всех сферах деятельности и искусство тоже?

— Тем более в искусстве. Я был в Риме, в музее Ватикана, видел скорбящую Мадонну Микеланджело. Да, мы, просвещенные люди XX столетия, видим и в великом дань своему времени, в пластике, в costume, композиции. Но сколько прошло перед ней поколений, и все смотрели неравнодушными глазами, неравнодушна была душа. Ибо жизнь, смерть, рождение, любовь, труд, воплощенные в истинно прекрасном, и составляют вечное.

Для меня Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький не воспринимаются каждый сам по себе. Да, каждый — откровение, каждый — глыба, монолит. Но все они — единый стержень русской литературы. И живо в веках и будет живо только то, что наращается этот стержень, что питает его.

То же и в русском театре. Это труднее доказуемо, живых свидетелей нет, и потому менее очевидно, но глубина мысли, стремление и страстная жажда правды, способ существования на сцене и в жизни — тоже единый стержень.

Я не случайно сказал: существование на сцене и в жизни. Премножать славу, поддерживать традицию русского искусства — дело в высшей степени непростое. Каждого из великих сынов России отличало не только могущество таланта, не толь-

ко магия мастерства. Каждый строил свою жизнь и свой труд, повинувшись своей незапятнанной совести, кристальной совести. Это вовсе не значит, что они не заблуждались никогда. Гоголь ли не заблуждался, Толстой ли не плутал, не обмирал ли Достоевский пред темными силами человеческого духа! Но совесть всегда была выше борения страстей, упрямая, наивная, ясная вера в силу ее делала их жизнь, их искусство.

Все ли мы, современные художники, молимся богу по имени «совесть», все ли обуреваемы жаждой учительствовать в обществе? С полным правом говорю: нет, не все. Человеку достаточно молодому и даровитому доверяют в ведение театр великих традиций, а он едва успевает мелькать на экранах кино и телевидения. Когда же ему традиции множить, когда вообще заниматься театром?

Мы часто говорим об экспериментальности искусства, а на деле сводим эксперимент к чему? Сколько поставит микрофонов, обрядит ли шекспировских героев в современные одежды или нет. Суть эксперимента — в выборе эстетического духа. И тогда возникают не только разные спектакли, но и разные театры. А у нас мало разных театров. Зато много одинаковых, даже с одинаковым репертуаром. В пору, когда МХАТ переживал самые тяжелые времена, все театры вдруг «омхатились». Но если МХАТ может собрать воедино свои глубинные силы, то эпитоны, выдвигавшие лишь поверхность вещей, так и вянут в эпитонстве. И ведь ничего, живут. Совестью не болеют...

— Евгений Алексеевич, как вы относитесь к возникающим периодическим разговорам о кризисе актерского мастерства?

— Меня это обстоятельство весьма занимает и тревожит, но оно для меня не однозначно. В театре, в кино я работаю вместе со многими разными актерами и о многих могу сказать: они не просто одаренные люди, их мастерство шлифуется и растет.

Однако давайте посмотрим, в чем основа актерского мастерства, где его корневая система. Мне думается, в народности,